

*Soda
Press*

Cornelia Funke

*Die Wilden
Hühner, und das
Glück der Erde*

DEUTSCHER
ÜBERSETZERFONDS

Корнелия Функе

Дикие куры

*и счастье
на земле*

*Перевела с немецкого
Ирина Алексеева*

SODA PRESS
Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44
Ф94

DIE WILDEN HÜHNER UND DAS GLÜCK DER ERDE
Cornelia Funke

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Функе, Корнелия.
Ф94 Дикие куры и счастье на земле : [повесть] / Корнелия Функе; пер. с нем. И. Алексеева. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 272 с. (Дикие Куры).

ISBN 978-5-04-229641-3

Каникулы обещают быть незабываемыми: Дикие Куры едут на конную ферму!

Прохладные утренние часы, запах сена и уроки верховой езды — все вокруг кажется новым и удивительным.

Но идиллия быстро заканчивается: на ферме появляются Пигмеи, и начинается череда приключений и первых влюбленностей. Пока одни репетируют школьную пьесу, другие пытаются разобраться в своих чувствах, а младшие проказники — Дикие Цыплята — устраивают шалость за шалостью.

Этой осенью Курам предстоит узнать, что дружба и любовь требуют смелости, — и только те, кто не боится упасть, умеют по-настоящему держаться в седле.

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44

Text copyright © Cornelia Funke, 2000
© Illustrations copyright © Sas Milledge, 2024
© Ирина Алексеева, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026, Soda Press

ISBN 978-5-04-229641-3

*Для настоящих Роберты и Хайди Флинт,
для настоящей Верены и настоящей Лилли,
для Сони, Сенке и Каролы —
и, конечно, для Ярпура и Снеглы,
но они эту книгу точно не прочитают*

Пролог

Это четвертая приключенческая история про Диких Кур. Для тех, кто их еще не знает: Дикие Куры — это девчачья банда, их пятеро: Шпрота, Мелани, Труда, Фрида и Вильма. Конечно, и на этот раз тут будут Пигмеи, их злейшие враги, которые время от времени превращаются в друзей, ну — редко. Есть еще несколько важных персонажей, двуногих и четвероногих, о которых я пока ничего не скажу.

А, вот еще что, спектакль на этот раз Куры тоже разыгрывают (трое точно): «Ромео и Джульетту» Шекспира. Хотите поточнее узнать, что там Вильма, Труда и Фрида постоянно разучивают наизусть и бормочут себе под нос? На страницах 25–27 Труда все это доходчиво объясняет — по крайней мере, мне так кажется.

Вот, а теперь занавес поднимается, и на сцене Куры: Шпрота, Фрида, Труда, Мелани и Вильма...

Шпрота распахнула дверь школы, и солнце осветило ее лицо. Осенний день был прекрасен. Просторный школьный двор устлан красными и желтыми листьями, а воздух — такой теплый на вкус, как будто лето еще застряло между домами. Но Шпрота с таким мрачным лицом зашагала к велосипеду, что двое первоклашек испуганно отступили. «Солнце! Осенние листья! — раздраженно думала она, пристраивая рюкзак на багажник. — Хочу дождь, чтобы вода с неба ведрами и небо чтобы серое. К такому гадкому дню хорошая погода не подходит».

— До завтра! — крикнул кто-то, но она даже головы не подняла. Молча села на велосипед и поехала домой.

— Пять с минусом*, — пробормотала она, закатывая велик на лестничную площадку. — Это аванс на будущее, причем в последний раз. Хотя шесть с плюсом было бы правильнее.

Она со вздохом открыла дверь в квартиру и повесила куртку в шкаф.

— Ну наконец-то, — крикнула из кухни мама. — Тут ждет торжественный обед, а ты из школы целую вечность возвращаешься. Что-то случилось?

— Абсолютно ничего, — сказала Шпрота. А что ей оставалось? Когда тебе вlepили пять, торопиться домой нет смысла. Нет. Про шесть с плюсом мама понятия не имеет, и про пять с минусом Шпрота ей тоже ничего не скажет. Иначе со встречами Диких Кур будет покончено, и с уютными посиделками в штаб-квартире банды, и со всеми прочими радостями жизни. Вместо этого опять придется сражаться с этим душным репетитором по английскому. Нет, пока причин для паники нет, все окей. Два раза чуть-чуть оступилась, ну подумаешь. Просто надо почаще все это повторять самой себе, тогда повесишь.

Перед тем как войти в кухню, Шпрота на секунду остановилась перед зеркалом и заставила себя изобразить на лице улыбку. Вышло не очень убедительно, но мама вряд ли что-то заподозрит.

* В Германии система оценок обратная: 1 — отличная отметка, а 6 — очень плохая. Так что «пять» считается плохой оценкой — примерно как двойка в русской школе.

— Слушай, я поставлю все еще раз в духовку разогреть? — сказала она, когда Шпрота под села к ней за стол. — Или тебе холодная мусака норм?

— Без проблем, — пробормотала Шпрота, разглядывая деликатес на тарелке и не веря глазам своим. — Ты что, еду у греков заказала? Посреди недели?

— А что? Мы же целую неделю одной жареной картошкой и заморозками овощными питались. — Мама смущенно потеревила скатерть. Так. На кухонном столе лежала настоящая скатерть. О том, что у них такая есть, Шпрота даже не подозревала. В душу Шпроты закралась тревога. Она озабоченно наморщила лоб.

— Мам, что случилось? — спросила она.

У мамы на губах блуждала улыбка.

— А что такого? Я подумала, что пора снова наве сти уют. Ну, всю неделю как-то все времени не было.

Шпрота ковыряла мусаку. Она не верила ни единому маминому слову.

Особенно много времени они вместе никогда и не проводили. Сколько Шпрота себя помнила, мама всегда работала в такси. Деньги зарабатывала — отец смылся, когда Шпроте было ровно шесть месяцев. Но им вдвоем всегда было хорошо. Даже очень. А потом возник этот Зануда. С тех пор и полгода не прошло, а все переменялось категорически.

Раньше каждое воскресенье Шпрота забиралась к маме в постель. Они вместе завтракали, пододвигали телевизор к кровати и смотрели старые филь мы. Но с тех пор как этот парень начал хозяйничать

у матери под одеялом, Шпрота избегала спальни, словно там водились гремучие змеи.

— Положить тебе виноградных листьев?

Шпрота помотала головой, не спуская глаз с матери. Та избегала смотреть на Шпроту и внезапно густо покраснела. Приехали.

— Mam, что случилось? — спросила она снова. — Опять что-то неприятное сказать хочешь? Пообещала бабушке, что я ей по саду помогу? Нет у меня времени! Уроков чертова прорва!

— Ты что, бабушка тут совершенно ни при чем! — ответила мама. — Ешь, а то все уже остыло. — Но сама она тоже не ела, а с отсутствующим видомковырялась в салате.

Бабушку Слетберг — собственно, маму мамы Шпроты — трудно было назвать милой или доброй. Но пока мама Шпроты таксовала, Шпрота оставалась у нее, другого выхода не было. И через раз приходилось гнуть спину на бабушкином огороде, тут уж ничего не поделаешь. Она-то предпочла бы с ее собакой прогуляться. А еще Шпрота в прошлом году спасла пятнадцать ее кур из-под топора забойщика. Но это совсем другая история.

Почему посреди недели вдруг еда из греческой таверны?

Шпрота набрала в легкие побольше воздуха.

— Mam, только вот не надо говорить, что к нам опять вселяется этот Зануда!

— Чушь какая! — Мама рассерженно бросила на стол вилку. — И прекрати наконец называть его занудой.

— А если он на самом деле зануда, как его тогда называть?

— Ой, не надо, он всего-навсего осмелился сказать тебе, что «маргарин» пишется с двумя «а».

— Человек, который ищет орфографические ошибки в списке, что купить, — самый настоящий зануда! — Шпрота произнесла это очень громко, а у мамы на глазах выступили слезы.

— При любом раскладе он примерно в сто раз лучше тех нудил, которых твои подруженьки посылали по мою душу! — проговорила она. Прошел уже почти год с тех пор, когда Диким Курам пришла в голову идея разместить брачное объявление про маму Шпроты, но она до сих пор не могла им этого забыть. Всхлипывая, она стала сморкаться в платок.

— У тебя тушь поплыла! — пробормотала Шпрота. — Ладно, занудой я его больше называть не буду. Честное куриное. Но тогда ты мне сейчас наконец расскажешь, по какому случаю мы тут... — Она сунула в рот кусочек холодной мусаки. — ...праздник устроили. Помимо того довода, что готовить ты вообще не можешь.

Мама взяла салфетку со стола и промокнула заплаканные глаза.

— Мне нужен отпуск, — забормотала она, не глядя на Шпроту. — Как минимум три года я отсюда никуда не выезжала. В Америку весной мы не поехали, летом ты не захотела от подружек уезжать. Теперь скоро осенние каникулы, и... — Она запнулась. — Ну вот мы и подумали, что можем просто на пару дней съездить на Балтийское море.

Шпрота наморщила лоб.

— Мы? Постой, кто это «мы»? Мы и этот... — Она вовремя проглотила слово, которое уже готово было сорваться у нее с языка. — Мы и этот твой пусик? Или как ты его называешь?

Мама Шпроты разглядывала скатерть. Потом вилку. Переключилась на ногти. Только вот на Шпроту не смотрела.

— Мы с Торбенем подумали... — начала она, замолчала и опять взялась за вилку. — Мы подумали, что было бы так здорово... Ах, проклятье! — Она швырнула вилку на тарелку с такой силой, что та целиком погрузилась в соус цацки. — Господи, я веду себя так, словно должна тебе признаться в каком-то преступлении! — воскликнула мама. — Причем преступление тут совсем ни при чем.

— И что? — Шпрота знала, что ответ будет чудовищный. Просто знала, и все. Ни крошки с тарелки она больше не могла проглотить.

— Да мы с удовольствием одни поедим! — сказала мама и посмотрела на потолок, как будто в этот момент разбивала сердце той лампе наверху, а не собственной сраженной наповал дочери. — Совершенно одни. Без детей.

Вот и все.

Шпрота чувствовала, что уголки рта у нее начинают дрожать.

Так вот оно что. «Мы» больше не означало «мама и Шпрота». «Мы» значило теперь «мама и этот Зануда». Жгучая белая ярость поднялась в груди, поползла по телу, проникла в кончики пальцев, Шпрота

ощущала ее в каждой клеточке. Она потянула на себя скатерть, эту идиотскую скатерть в цветочках, и больше всего ей сейчас хотелось сорвать ее на пол, чтобы весь этот обман с едой в стиле «пора снова навести уют» приземлился на пол.

Шпрота чувствовала, что мама смотрит на нее с тревогой.

— Без детей? А какие дети вас еще обременяют, кроме меня? Или ты мне сейчас еще что-нибудь новенькое поведаешь?

— Шарлотта, прекрати!

Мама побледнела, лицо у нее стало как те салфетки, которые она разложила рядом с тарелками. Вот и салфетки эти, обычно они такими не пользовались. Шпрота по-прежнему сидела, вцепившись в скатерть.

— Для тебя я, конечно, тоже кое-что придумала, — услышала она мамин голос. Шпроте казалось, что голова у нее совсем пустая. Да и сердце тоже. — Одна моя подруга держит конный двор, ты ее не знаешь, мы вместе в школу ходили... — Мама говорила так быстро, что захлебывалась собственными словами. — Она уже пару лет его держит, но я так до сих пор и не собралась к ней съездить, ты же знаешь, я боюсь лошадей. Но говорят, там очень классно. Короче, я ей позвонила, у нее на осенних каникулах еще осталась пара свободных мест, и это совсем недорого. Так что... — Шпрота слышала, как мама набирает в легкие побольше воздуха. — Я тебя на первую неделю каникул сразу записала.

Шпрота кусала губы. Конный двор. Не люблю лошадей, хотела сказать она. Ты же это прекрасно зна-